

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

ЗАМОРОЖЕННАЯ
СТРАСТЬ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *Г. Саукова, В. Щербакова*

Иллюстрация на суперобложке художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Замороженная страсть / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-84086-1

В элитном приват-клубе был отравлен известный политик Павел Полуни. В его бокале помимо виски эксперты обнаружили сок ядовитой белладонны. Главной версией преступления стало заказное политическое убийство, однако, чтобы преждевременно не поднимать шумиху в СМИ, дело поручили высочайшим профессионалам из уголовного розыска — полковникам Гурову и Крячко, которые как никто умели работать тихо и быстро. Едва сыщики взялись за дело, один за другим начали вскрываться темные делишки ближайшего окружения политика: и незаконная торговля «спайсами», и супружеские измены, и предательство, но... все это не имело никакого отношения к убийству Полунина. И тут сыщики обратили внимание на одного малоприметного и с виду совершенно безобидного человека...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84086-1

© Леонова О.М., 2015
© Макеев А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Замороженная страсть

РОМАН

Глава 1

Управляющий приват-клубом «Занзибар» Сергей Литвинов подбирал мебель в свой рабочий кабинет долго. Он перерыл много рекламных проспектов, пока не выбрал вот этот. Стильная, кожаная... Правда, пришлось столкнуться с сопротивлением дизайнера, руководившего оформлением кабинета. Но, как говорится, клиент всегда прав. В смысле, заказчик. То, что он задел какие-то там эстетические струны в душе художника, его волновало мало. Хочешь иметь заказы — не выделяйся и прислушивайся к мнению заказчика. Причем такого дорогого заказчика.

Кресло-качалка, как он его называл, Литвинову очень нравилось. Он считал его гениальным изобретением. Это было не обычное и всем хорошо знакомое кресло на закругленных полозьях, нет, это было современное, высокотехнологичное изделие, несравненно более комфортное. Оно почти ничем не отличалось от остальных кресел мягкого офисного гарнитура, но спинка и сиденье были изготовлены с максимальным удобством для спины сидящего. А какие-то там шаровые соединения позволяли этому чуду техники качаться с плавностью и мягкостью просто усыпляющей. И как не хотелось из него вставать...

Новая официантка Ольга не обманула. Хотя Литвинов и не сомневался, что из той высокой и не очень привлекательной девушки, что явилась к нему три дня назад, можно сделать конфетку. Короткая юбка подчеркивала длину ног... да и форма их была вполне симпатичная. Бесформенная грудь сегодня при-

поднята хорошо подобранным бюстгальтером и даже вполне аппетитно выглядит в вырезе блузки, выставляя на обозрение ложбинку, а профессионально выполненный макияж сделал из той простушки, что появилась тут недавно, вполне привлекательную особу. Манеры и опыт девушки Литвинов оценил еще во время первой их встречи, они были важнее внешности, хотя в приват-клубе официантки должны выглядеть на высоком уровне. И Ольга сумела соответствовать.

— Ну, молодец, молодец, — откровенно рассматривая стоявшую перед ним девушку и покачиваясь в кресле, сказал Литвинов. — Не разочаровала. Ты уж извини, что я так вот... развалившись в кресле, с тобой разговариваю. Не поверишь, я с шести утра на ногах, а сейчас уже почти десять... ноги гудят, спина отваливается...

— Знакомое состояние, — кивнула девушка, улыбнувшись одними губами. Очень профессионально улынулась!

— Да, да... при вашей работе, конечно, — кивнул Литвинов.

Ему нравилось, что девушка не смущается его откровенных взглядов. А взглядов в зале будет очень много. И щипков за попу или за бедро украдкой тоже будет достаточно, несмотря на то что все члены клуба знают правило — к персоналу не приставать. Для этого есть совсем другие... другой персонал. Тут все цивилизованно и на любой вкус. И девушки в зале знают, что администрация будет на их стороне, главное — не хамить и перетерпеть, а в обиду никто не даст. Главное, чтобы сами не провоцировали.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла невысокая молодая женщина в деловом костюме. Стучаться тут было не принято. Правила хорошего тона. Стучатся там, где подразумевается, что ты можешь застать хозяина кабинета за чем-то... предосудительным. Пережитки социалистической вежливости. Тут правила иные. Входишь только тогда, когда тебя вызвали. Или в назначенное для тебя время. Или просто имеешь право входить в этот кабинет по должности в любое время. Как вот, например, администратор зала Ирина Владимировна.

— Ну, вот она, Ирина, принимай свою крестницу!

Сухошавая дама поджала губы и придирчиво осмотрела девушку со всех сторон.

— Хорошо, Петрякова, — кивнула она благосклонно. — Сегодня у тебя начинается испытательный срок. Ты посмотришь, мы на тебя посмотрим. Придираться к тебе никто тут не намерен. Нам позарез нужны хорошие работники. Главное — желание и старание с твоей стороны.

— Ну, все, — вальяжно махнул рукой Литвинов, — идите. И помни, Ольга, наше главное правило, о котором я тебе говорил. Сюда мужики приходят расслабляться по-мужски, со всеми своими мужскими желаниями, капризами и фантазиями. Все они заранее известны, и все тут для их реализации есть. Поэтому, даже если у тебя любовь неземная в душе вспыхнет к кому-то из клиентов...

— Сергей Сергеевич, я помню, — попыталась вставить Ольга, но управляющий нахмурился и погрозил ей пальцем:

— А вот перебивать начальство совсем не рекомендую! Твое дело слушать. Так вот, даже если у тебя любовь неземная к кому-то из клиентов вспыхнет, то ни-ни! После работы занимайся чем хочешь и с кем хочешь. Но в этих стенах ты на службе! Никакой избирательности, никакого исключения. Тут ты не женщина, тут ты робот с внешностью женщины.

Почему его стало тянуть сюда, Павел Полунин не понимал. Начал задумываться, но пока не нашел ответа. Или не очень хотел его найти. Он очень часто бывал в «Занзибаре», по два раза в неделю. Иногда даже по три. Мужчина мало общался с друзьями, знакомыми, которых тут было достаточно. Статусные клиенты, приват-клуб, куда не только ограничен доступ, но и отсутствуют в средствах массовой информации и рекламе сведения о том, какого рода услуги тут им оказываются.

Помимо развлекательной программы, бильярда, хорошей кухни, имелись свои небольшие уютные кинозалы, был и салон интимного массажа, к которому Полунин, собственно, и пристрастился. Не то чтобы ему нравился кто-то из массажисток или «специалистов», как их тут называли. Они были все сим-

патичные, все примерно одной комплекции, была даже одна мулатка и одна кореянка, работавшая «под японку». Полунину было все равно, кто занимается его телом. Лежи с закрытыми глазами и отдавайся ласкам абстрактной женщины. В этом было что-то новое, действительно успокаивающее, независимое от внешнего мира. Это был уже иной мир.

После сеанса массажа он отправился в душ, а потом вышел в зал, на ходу поправляя воротник рубашки под пиджаком. Это был почти обычный ресторанный зал, каких миллионы по стране, со сценой, на которой сегодня выступала Светлана Незнамова, блондинка с короткими волосами и крепкой, почти атлетической фигурой, не лишенной, правда, грации и сексуальности. Почему они все считают, что мы любим блондинок, машинально подумал Полунин, глянув на певицу. Я вот люблю брюнеток и почему-то от всех это скрываю. Почему?

На этой сцене выступали и стриптизерши, здесь танцевали эротические танцы во время различных программ. Все, как в большинстве ресторанов или кабаре, только не было привычных столиков, а были мягкие диваны с очень высокими спинками, закрывавшими сидевших за низким столиком с трех сторон. И ты можешь заниматься тут чем угодно.

Полунин уселся в свою «нишу» во втором ряду, откинулся на мягкую спинку дивана и подумал: а не заказать ли чего покрепче? Заказ он оставил, еще когда только пришел сюда. Все удобно, все по часам, и персонал не маячит лишний раз перед глазами клиентов. Полунин вдруг ощутил себя здесь хозяином... или просто ему стало жарко. Он выпрямился, снял пиджак и бросил рядом на диван.

Неслышно, как тень, появилась официантка, быстро и ловко, почти без стука, расставила на столе заказ и исчезла. Полунин с удивлением увидел среди расставленной посуды и большую рюмку виски. Так, значит, он заказал его еще в самом начале? Надо же, настроение-то, оказывается, таким было с самого начала вечера... Ну и черт с ним!

Из кинозала потянулись мужики. Большинство вели за талию длинноногих девиц с распущенными волосами и в коротеньких платьях. Некоторые эти платья на себе одергивали. По-

лунин взял рюмку и усмехнулся. В этом зале сейчас закончили показ первого фильма «50 оттенков серого». Полунин его видел. При всем обилии эротики он для себя ничего интересного или глубокого в этом фильме не нашел. Ему даже на второй половине фильма стало скучно смотреть. Сейчас он махнет рюмку виски и...

— Ну что? — прозвучал из пространства над головой глухой загробный голос. — Энергию девать некуда? Баб вокруг уже мало? В салон ходишь?

Полунин поднял голову и с неприязнью посмотрел на стоявшего перед ним мужчину. С неприязнью, брезгливостью и снисходительным терпением. Мужчина был высок ростом, но горбился, отчего его фигура напоминала вопросительный знак. А в близко посаженных серых глазах светились тоска и зависть. А еще мужчина был пьян до последней стадии. Он стоял пошатываясь, засунув руки глубоко в карманы брюк. Узел галстука под пиджаком был распушен чуть ли не до середины груди.

Глядеть на это зрелище было тоскливо. Даже желание выпить пропало, и Полунин отставил рюмку в сторону. Он взял стакан с соком и отпил из него большой глоток, продолжая смотреть на пьяного.

— Что молчишь, Пашка? — спросил мужчина. — Нечего сказать... А ты знаешь, что ты мне всю жизнь искалечил? Ирка, она как курица, ей все едино... А мне... мне как жить?

— Дурак ты, Леонтий, — процедил сквозь зубы Полунин и снова отпил из стакана. — Не хочешь так жить, не живи. Уйди от нее или застрелись.

— Не-ет, — покачал тот головой, — я дождусь, пока ты сдохнешь, а уж потом на твоей могилке спляшу джигу...

— Чего? — поморщился Полунин и поперхнулся...

Мужчина, стоявший перед ним, хотел ответить, но вдруг замер с открытым ртом. Полунин, сидевший на диване в одной рубашке и со стаканом в руке, неожиданно стал покашливать, тереть шею возле воротника и заметно бледнеть. Это было видно даже в стельку пьяному. Полунин попытался поставить стакан с недопитым соком на стол, но рука не слушалась, он

расплескал остатки сока, уронил стакан на край столика и повалился грудью вперед, сваливая посуду на пол. Его тело сводила непонятная судорога, он корчился, рвал на груди рубашку, как будто ему не хватало воздуха. Страшно хрипя и корчась, Полунин повалился на пол...

Такое утро бывает только в начале лета, когда жара еще не успела прокалить многострадальные стены домов, асфальт улиц. Когда по утрам еще ощущается свежесть воздуха и, придя в кабинет на Житную, хочется сразу же открыть окно, впуская в духоту помещения вкусный запах утренней Москвы.

Такое настроение бывает еще и тогда, когда тебе удалось выспаться, когда ты встаешь с пониманием, что новый день не готовит тебе сюрпризов и неприятностей, что все расписано до конца недели и все пойдет обычным чередом. Вчера Гурову удалось уйти домой в семь часов вечера. Он сел ужинать, слыша через открытое окно, как под окнами бегают и шумят дети. И сразу захотелось чего-то уютного, простого. И Лев вымыл всю посуду, которая копилась в мойке два дня.

Чистота порадовала, но и вселила некоторую частичку вины перед женой. Маша уехала на гастроли неделю назад и просила не запускать квартиру. И вот... на второй день сломалась посудомоечная машина. А потом начала копиться в мойке посуда. Нет, жизнь определенно должна радовать тем, что иногда дает отдыхать от сюрпризов, неожиданностей разного толка и просто непредвиденных обстоятельств.

И сегодня планерка в кабинете генерала Орлова началась вовремя, что было хорошим знаком. По причине свежести утра и открытых настежь окон офицеры явились в кителях, что делало их сразу серьезными и собранными. Гуров давно заметил эту особенность своих коллег. В форменных рубашках они чувствуют себя свободнее. И шуток звучит больше, и Орлов чаще призывает не отвлекаться на планерках.

Старый друг и неизменный напарник Крячко, когда Гуров поделился с ним этим наблюдением о влиянии форменной одежды на моральное состояние коллег, ответил просто. Ста-

нислав Васильевич долго глядел на Гурова, потом притворно вздохнул и заявил, что Гуров сам даже в штатском костюме с галстуком чувствует себя не так раскованно, как в легких летних штанах и льняной рубашке навыпуск. А тут китель! Такие мысли, по мнению Крячко, могут возникать у полковника полиции лишь по причине хронической усталости и приближающегося очередного приступа маниакально-депрессивного синдрома.

— Так! — объявил Орлов. — С этим закончили! Должников прошу поторопиться с планами, потому что предупреждений и поблажек больше не будет!

Гуров нахмурился и выпрямился за столом. Он поймал себя на том, что как-то расслабился и даже не слушал, о чем говорил шеф. Да, что-то второй день он никак не «соберется в кучу», ох, не к добру это.

— Так, теперь по текущим делам, — продолжил Орлов, ловко надевая очки на кончик носа и заглядывая в свои рабочие записи. — Сегодня ночью у нас в столице произошел очень неприятный инцидент. Около полуночи в приват-клубе скончался при странных обстоятельствах некто Полунин Павел Сергеевич. Личность довольно известная в политических кругах. Он возглавлял патриотическое движение «Восток». Движение молодое, набирающее силу, далекое от оппозиции, скорее наоборот, старающееся идти в ногу с существующей властью. Тем не менее есть мнение, — Орлов красноречиво окинул взглядом поверх очков своих подчиненных, — что смерть Полунина не случайна, что мы можем иметь в данном случае убийство, да еще с политической окраской.

— Ну-у, — уверенно подал голос кто-то из офицеров. — Этого нам не отдадут. Этим ФСБ займется. Руки у нас коротки политическими убийствами заниматься.

— А вот тут-то вы и ошибаетесь, — усмехнулся Орлов. Как показалось Гурову, не очень весело усмехнулся.

— Что, на нас свалили? — тут же спросил сидевший рядом Крячко. — А с какого перепугу?

— Если коротко, — нехотя ответил Орлов и склонил свою лобастую голову над бумагами, — версию о политическом убийстве не афишируют, хотя и признают ее вполне реальной. Утечки быть не должно. В нынешних условиях обострения внешнеполитической обстановки и возрастающего давления на Россию многим на Западе будет выгодно начать визг об отступлении в нашей стране от принципов демократии и начале истребления оппозиции.

— Вы же сами сказали, что движение «Восток» проправительственное, — послышался голос кого-то из офицеров.

— Даже если и так, — проворчал Гуров, — то всегда найдется нюанс, который кому-то выгоден, который разрисуют как выступление покойного против политики правительства и президента. Избитый ход. А мы, стало быть, всем своим видом будем изображать, что расследуем чистой воды уголовщину. Так?

— Да, Лев Иванович, — согласился Орлов. — Вот вы с Крячко и будете изображать.

— Типун мне на язык, — тихо проговорил Крячко, но его услышали, и вдоль стола для совещаний пошли смешки.

— Только изображать? — спросил Гуров.

— Нет, работать придется быстро и без ошибок, — серьезно ответил генерал. — Все, что нужно изобразить, изобразим я и вышестоящее начальство. А ваша со Станиславом Васильевичем задача взять это дело в свои руки и быстро довести до конца.

— Ну, это как всегда, — улыбнулся Крячко. — МУР привлекать будем или по старинке, сами как мальчишки бегать будем?

— Будете привлекать всех, кого сочтете нужным. Следственный комитет уже начал работу, МУР подключился. Вы осуществляете общее руководство оперативно-следственными мероприятиями.

— Есть приказ о создании межведомственной группы? — удивился Гуров.

— Конечно же, нет, — хмуро глянул на него генерал. — И быть не может. Вы официально выступаете как кураторы от Главка, но фактически за вами все руководство. Я должен иметь руку на пульсе этого дела. И, честно говоря, мне хочется пойти в церковь и поставить свечку Николаю-угоднику, чтобы все это

оказалось случайным стечением обстоятельств или в крайнем случае мстью мужа любовницы! Не люблю я ввязываться в политические разборки. Там не знаешь, с какой стороны по затылку получишь. Поэтому, ребята, максимум внимательности и... лучше лишний раз придите посоветоваться, чем лезть на рожон. Ну, вы оперативники опытные, чего я вас учить буду. Так, просто предупреждаю на всякий случай.

Пока сыщики шли по коридору до своего кабинета, Крячко очень живописно раскритиковывал очередной детективный сериал. Гуров молча слушал, понимая, что старый друг затеял этот разговор лишь для того, чтобы поднять ему настроение. Стас умел это делать. Никаких похлопываний по плечу со словами «ничего, прорвемся, и не такие дела распутывали», ни тяжелых многозначительных вздохов и гробового сочувствующего молчания. Он просто отвлекал, проносился в мозгу, как освежающий ветер, после которого думать легче. И сейчас весь этот треп был просто способом отвлечения.

— Ну? — Гуров сразу свернул к своему любимому дивану и откинулся на спинку, заложив руки за голову. — Пиши, Станислав. Первое: затребовать от экспертов результаты.

— Сначала письмо за подписью Орлова, — добавил Крячко. — Иначе будут мурыжить, несмотря на наш статус.

— Это обязательно, — согласился Гуров, глядя в потолок. — Второе: допросить самим персонал и составить свое видение картины последних часов и минут Полунина. Потом сверим с впечатлениями оперативников из МУРа. Третье: собрать максимум информации по этому «Востоку». Что за движение, к кому или чему тяготеют.

— По «Востоку» отдельно и по Полунину отдельно, — добавил Крячко, щелкая клавишами ноутбука.

— И еще бы разобраться с тем, а что такое приват-клуб и чем он отличается от любого другого ночного клуба.

— Не хочу вгонять в краску, Лев Иванович, — засмеялся Стас, — но это чисто мужской клуб, со всеми специфическими утехами.

— Да-а? — многозначительно посмотрел на напарника Лев. — А ты, никак, бывал в таких, а, старый греховодник?